

ЛІТАРАТУРА

1. Рапановіч, Я. Н. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Я. Н. Рапановіч. – 2-е выд., дап. і перапр. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
2. Лепешаў, І. Я. Лінгвістычны аналіз тэксту [Электронны рэсурс] / І. Я. Лепешаў. – Рэжым доступу: <http://ebooks.grsu.by/lepeshay/7-peryfrazy-razgornutyuya-metafary-para-nanni.htm>. – Дата доступу: 28.07.2019.
3. Хазанава, К. Л. Зааморфныя вобразы ў беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанава // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры ; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск, 2019. – Вып. 26. – С. 327 – 332.
4. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў [Электронны рэсурс] / І. Я. Лепешаў. – Рэжым доступу: <https://coollib.com/b/302861/read>. – Дата доступу: 28.07.2019.
5. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorus.info/index.html>. – Дата доступу: 28.07.2019.

РЕЗЮМЕ

Белорусские пословицы и поговорки имеют особенности выражения объектов сравнения, которые народ использовал для истолкования и конкретизации определённых понятий. В качестве объектов сравнения паремии используют хорошо известные реалии из ежедневного окружения человека. Самая количественная тематическая группа – наименования предметов и приспособлений хозяйственного труда и животных. Народное воображение выбирало самые яркие признаки, качества, типы поведения (реально существующие или вымышленные), которые за счёт введения в пословицу закреплялись в народном сознании и стереотипизировались.

SUMMARY

Belarusian proverbs and sayings have features of expressing of the objects of comparison, which people used to interpret and concretize certain concepts. As objects of comparison, proverbs and sayings use well-known realities from the daily environment of a person. The most quantitative thematic group is the names of objects and devices of household's labor and animals. The popular imagination chose the brightest signs, qualities, types of behavior (real-life or fictional), which, due to the introduction to the proverb, were fixed in the popular consciousness and has stereotyped.

Цыбакова С. Б.

СЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШАХ УМЕРШИХ В ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛЯ КОЗЛОВА

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
(Поступила в редакцию 10.09.2019)*

Вера в душу, её способность к отделению в момент смерти, во время сна человека от его телесной оболочки, идея посмертного существования и воплощений души является одной из важнейших особенностей, присущих с древних времён мифологическому мышлению разных народов. Категория души – значимый компонент в комплексе славянских народных верований. По словам А. Н. Афанасьева, «славяне признавали в душе нечто отдельное от тела, имеющее своё самостоятельное бытие» [1, с. 352]. Учёным были

выделены разнообразные виды, в которых представляли, согласно народным поверьям, души усопших [1, с. 352 – 360]. Вопросу о многообразии форм-ипостасей человеческой души после её выхода из тела в славянской фольклорно-мифологической традиции посвящены фундаментальные исследования С. М. Толстой [3] и Л. Н. Виноградовой [4; 6; 8]. Цель данной статьи заключается в рассмотрении своеобразия выражения представлений о некоторых из форм-ипостасей души, связанных с вышеназванной традицией, в творчестве современного белорусского прозаика Анатоля Козлова. В художественной картине мира его произведений «Незламная свечка», «Минск и ворон, Париж и призрак» изображение магии, колдовства включает в себя представления мифологического характера о носителях покинувшей тело души человека.

Одно из самых известных не только у славян, но и у других народов верований в посмертное воплощение души в образе птицы отображено в повести Анатоля Козлова «Незламная свечка». «Наравне с прочими индоевропейскими народами славяне сохранили много трогательных рассказов о превращении усопших в легкокрылых птиц, в виде которых они навещают своих родичей...», – заметил А. Н. Афанасьев [1, с. 358]. В повести «Незламная свечка» Иван Перунов, очевидец трагической смерти своего товарища Сергея Смоляка, ставшего, согласно семейному преданию, жертвой родового проклятия, услышав пение невидимой лесной птицы, говорит: «— Усё, Лёнічак, не птушка гэта спявае, а Сяргеева душа. Яго душачка развітваецца з намі» [2, с. 94].

По утверждению С. М. Толстой, в славянской мифологии «душа, только что покинувшая тело, чаще всего представляется мухой, или птицей, или вселяющейся в муху, птицу или другое живое существо» [3, с. 71]. Незримость поющей птицы-души указывает на её близость к потустороннему миру. Возвращающийся из школы Антон Смоляк, ещё не зная о смерти отца, слышит необычно красивое пение летящего возле него невидимого жаворонка. Вера в сохранение душевной связи между живыми и умершими выражена во внутреннем монологе мальчика: «*І чаму ён усю дарогу ляціць за мною? Быццам трымаю яго на нябачнай нітачцы?*» [2, с. 96]. «Мотив о птице-душе наиболее часто связывается в славянской мифологии с такими конкретными птицами, как кукушка, голубь, ласточка, аист, жаворонок, утка, кулик...», – отмечает Л. Н. Виноградова [4, с. 147]. Голос жаворонка изменяется, когда Антон, подходя к родному дому, видит большое скопление людей, среди которых некто поет или голосит: «*І не такі ён ужо радаснашчаслівы, больш глыбока самотны, распачны, але без адчаю...*» [2, с. 97]. Разлучённая в момент смерти с телом душа Сергея Смоляка в переходный, по народным воззрениям, период продолжает своё невидимое для живых существование, стремится вступить с ними в контакт, испытывает разные чувства, находится в плену повседневных земных забот. Авторская мысль о независимом от тела существовании души человека после его смерти передаётся в форме внутреннего монолога «души-жаворонка»: «*А па кім плакаць, навошта галасіць? Ён жа, Сяргей, побач з імі. Хочацца*

паздароўкаца з мужчынамі, ды яны не падаюць рукі, колькі сваю не працягвай. І што толькі стала з шышкаўцамі?» [2, с. 98]. Представление о душе в образе жаворонка соотносится с положительными качествами Сергея Смоляка, трудолюбивого, доброго, мужественного человека, заботливого отца семейства. Характеристики отца осиротевшего Антона содержатся во внутренних монологах души покойного, например: *«Здароў, Антоша, чаго нос ніжэй падбародка вісіць? І хмурны ты нейкі? Не думаў, што пайду цябе сустракаць са школы? <...> Заўтра серада, палова нядзелі пройдзе, а там, глядзіш, і выхадны, шпакоўні новыя з табой паробім, навесім іх на яблыні ды грушы – няхай птушкі вядуцца <...>*

Маўчыш і ты, не чуеш бацьку. Ну нічога, разам пойдзем дамоў» [2, с. 99]. Изображение в повести посмертного воплощения души родного человека в облике жаворонка, причисляемого в славянской мифологии к «чистым» птицам, расходится с традиционными народными представлениями о формах-ипостасях душ «нечистых» или «заложенных» покойников, категорию которых, согласно Д. К. Зеленину, составляют «умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся, часто в молодости, скоропостижною несчастною или насильственной смертию» [5, с. 39]. Л. Н. Виноградова пишет: «По некоторым свидетельствам, ряд птичьих образов символизирует души праведников или почитаемых предков (голубь, ласточка, аист, жаворонок), тогда как “нечистые” птицы (сова, филин, утка, кулик, ворон) часто выступают в роли душ “заложенных” покойников, грешников, колдунов» [4, с. 147]. Более того, мифологические представления о том, что «этот род покойников именно опасен» [5, с. 41], в повести не выражены совсем. Возможно, во фрагменте художественной картины мира, посвящённой отцу Антона, личностный подход, определяемый сокровенными чувствами, преобладает над порождённой многими поколениями людей мифотворческой фантазией. Знаком доброй памяти о Сергее Смоляке является большой дубовый крест, поставленный на месте его гибели в лесу Иваном Перуновым.

В отличие от повести «Незламная свечка» мифологические представления о «демонологизации умерших» [6, с. 25] нашли отражение в романе Анатоля Козлова «Минск и ворон, Париж и призрак». Княжна Катерина, главный женский персонаж произведения, под воздействием вредоносного заговора ведьмы Пёклы, одурманенная её ядовитым зельем, подсыпанным в кубок с вином ревнивой любовницей князя Севолода Марфочкой, сбегает в разгар свадебного пира из замка и погибает в трясине Топкого болота. Героиня не проживает отмеренного ей срока, её смерть является неестественной. Тело несчастной княжны остается в толще Топкого болота, ее душа становится *«безутешной странницей Осиновского замка да прилегающих к нему земель»* [7, с. 122]. К вредоносным «заложенным» покойникам, образующим разряд умерших людей в персонажном составе восточнославянской народной демонологии, Л. Н. Виноградова относит таких, как «самоубийцы, умершие колдуны и ведьмы, “ходячие” покойники, разного рода призраки и привидения» [8, с. 18].

В литературно-художественном раскрытии мифологической темы

«демонологизации умерших» особую смысловую нагрузку заключают в себе приводимые автором романа подробности, связанные со значимостью в народном сознании под влиянием христианской церковной традиции обрядов отпевания и погребения покойных: *«Не отпели её тела в церкви по православному обряду, не зажгли свечку в сложенных руках, не обрызгали могилку святой водой»* [7, с. 122]. Влиянием христианской религии отмечены выраженные в романе представления о посмертной участи души ведьмы Пёклы – служительницы нечистой силы: *«Душа её теперь без остановки смолу возит в пекле»* [7, с. 130].

Встреча местных жителей, а также их гостей из города с призраком Катерины, *«который озлобился на весь род людской»* [7, с. 125], оборачивается для них неизлечимыми болезнями и смертельным исходом. В данном случае центральный женский персонаж, связывающий разновременные планы хронотопа романа Анатоля Козлова, является носителем такого признака, характерного для «заложных» покойников, как *«способность насыпать на людей болезни и вообще вредить здоровью людей»* [5, с. 56]. Через столетия после совершённого в Осиновском замке злодеяния обездоленная душа княжны, не принятая в загробном мире, беспокойная и тоскующая, одержима стремлением отомстить потомкам ненавистных ей Севолода и Марфочки. Невинно загубленной героине романа, не успевшей насладиться земной любовью, не изведавшей женского счастья, сочувствует лишь *«бессмертная, всемогущая золотая Луна»* [7, с. 125]. Луне, называя её своей вечной матерью, душа княжны, блуждающая в развалинах замка, выражает свою обиду, несмирение перед жестокой несправедливостью, безграничное желание отомстить. В романе показана демонизация души когда-то кроткой и нежной княжны, ставшей жертвой женской ревности и зависти, её превращение в злобную, мстительную и враждебную людям сущность.

Немаловажной деталью для понимания мифологических истоков образа Катерины является и описание места её гибели – гнилой трясины Топкого болота. В мифологии восточных и западных славян болото – *«опасное и нечистое место, где водятся черти»* [9, с. 228]. После того, когда благодаря Луне произошла материализация привидения Осиновского замка, на болотном дне, где находились телесные останки княжны, *«вырвался вонючий фонтан липкой жижи <...> Он взвился выше маковок-макушек ближайших сухостойн. И завис, будто подвязанный, на несколько тягучих минут, после чего неохотно, словно противясь чему-то невидимому, медленно опустился на свое место»* [7, с. 129]. Д. К. Зеленин указывал на то, что *«где бы заложные ни жили, но они всегда сохраняют самую тесную связь с местом своей смерти и с местом своей могилы»* [5, с. 48].

Катерина – в достаточной степени сложный и противоречивый литературный персонаж, в котором, с одной стороны, отчётливо прослеживаются некоторые из важнейших характеристик «нечистых» покойников, прежде всего их опасность для живых, зловещность. Однако, с другой стороны, связь рассматриваемого художественного образа с данной

мифологической категорией является неоднозначной, может вызвать сомнение и быть оспоренной, поскольку в народной традиции, по заключению Д. К. Зеленина, «деление заложных покойников по полу, на мужчин и женщин, далеко не безразлично: *заложная женщина* будет уже иным мифологическим образом, весьма отличным от образа заложного мужчины» [5, с. 141]; «По полу все заложные покойницы, т. е. женщины и девицы, выделяются в народе в особый разряд, также известный под особым названием: *русалки*» [5, с. 61]. Тем не менее исследователь, вероятно, не исключает иной, помимо русалки, возможности демонологизации душ заложных женщин: «Заложные скитаются бесцельно по земле и сторожат ценнейшие клады на одном месте, живут кикиморами в избах за печкой; служат вместо лошадей и рядом вместо кучеров у чертей и сами бывают домовыми или лешими, т. е., в сущности, чертями же» [5, с. 61]. Наряду с перечисленными Д. К. Зелениным демонологическими персонажами мужского пола, связанными генетически с разрядом «заложных» покойников, названа кикимора – «рус. и бел. женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям» [10, с. 484].

На основе народных демонологических представлений о душах умерших, которые «обречены скитаться на этом свете, но при этом испытывают потребность найти для себя вещественную оболочку, вселяясь в объекты живой и неживой природы» [4, с. 125], Анатолий Козлов развевает фантастический сюжет своего произведения. С помощью Луны призрачная Катерина обретает новое тело и мстит наследникам любвеобильного Севолода и коварной Марфочки. Писатель выражает философско-мистическую мысль о том, что злодеяние независимо от временного промежутка не только не останется безнаказанным, но и повлечёт за собой ответное зло, приносящее страдания невинным, на которых обрушивается нередко нравственная ответственность за грехи предков. Мотив мести, проходящий через произведение, имеет ярко выраженную мистическую окраску. Идея жестокого, но справедливого возмездия звучит в одном из внутренних монологов рождённой заново героини романа, в котором содержится реминисценция комплекса славянских народных представлений о демонологизации душ умерших: «*Нет, крови я не хочу. Зачем? То для вампиров пускай останется, если они ещё не перевелись. А я – бывшее привидение, и мне не нужна чужая кровь. Намного интересней постепенно расширять человеческую психику, доводя человека до сумасшествия. Да, много влила в меня Луна жестокости! Только за всё нужно платить – каждую минуту, каждый день. Это, видимо, один из незыблемых и страшных законов человеческого существования*» [7, с. 131 – 132]. Упоминание о вампире неслучайно, поскольку этот мифологический персонаж, представляющий собой злобное демоническое существо, принадлежит «к категории “возвращающихся” умерших» [6, с. 31]. Героине романа чужд вампиризм, её демоническая сущность заключается в утонченном коварстве, позволившем осуществить злые намерения.

Подводя итоги вышеизложенному, отметим, что славянские мифологические представления о душах умерших в повести «Незламная свечка» и романе «Минск и ворон, Париж и призрак» Анатоля Козлова, претворённые в его душевном опыте, переосмысливаются писателем в соответствии со своей идейно-художественной задачей, приобретая дополнительные или более глубокие по сравнению с народной традицией философско-мистические и нравственно-психологические смыслы. Душу героя повести «Незламная свечка» Сергея Смоляка, нить жизнь которого внезапно оборвалась, писатель изобразил как незримую для живых поющую птицу. Народные демонологические представления о душах умерших неестественной смертью являются одним из источников создания образа Катерины, главной героини романа «Минск и ворон, Париж и призрак», с которым связан имеющий мистический характер мотив мести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А. Н. Древо жизни : избранные статьи / А. Н. Афанасьев ; подг. текста и коммент. Ю. М. Медведева, вступ. ст. Б. П. Кирдана. – М. : Современник, 1982. – 464 с.
2. Казлоў, А. С. Незламная свечка : аповесці / А. С. Казлоў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2000. – 222 с.
3. Толстая, С. М. Славянские мифологические представления о душе / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М., 2000. – С. 52 – 95.
4. Виноградова Л. Н. Материальные и бестелесные формы существования души / Л. Н. Виноградова // Славянские этюды : сб. к юбилею С. М. Толстой / РАН, Ин-т славяноведения ; редкол.: Е. Е. Левкиевская (отв. ред.) [и др.]. – М., 1999. – С. 141 – 160.
5. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки / Д. К. Зеленин ; вступ. ст. Н. И. Толстого; подг. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.
6. Виноградова, Л. Н. Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших / Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М., 2000. – С. 25 – 51.
7. Козлов, А. С. Минск и ворон, Париж и призрак: сборник произведений / А. С. Козлов. – Минск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 272 с.
8. Виноградова, Л. Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения : дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада: 10.01.09 / Л. Н. Виноградова. – М., 2001. – 92 с.
9. Толстой, Н. И. Болото / Н. И. Толстой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995. – Т. 1. А – Г. – С. 228 – 229.
10. Левкиевская, Е. Е. Кикимора / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. Д – К (Крошки). – С. 494 – 496.

РЕЗЮМЕ

Предметом исследования в статье являются славянские мифологические представления о душах умерших людей в произведениях «Незламная свечка» и «Минск и ворон, Париж и призрак» Анатоля Козлова. Рассмотрено посмертное воплощение души в орнитоморфном облике, изображённое писателем в повести «Незламная свечка». Проанализированы особенности авторского осмысления народных представлений о

демонологизации душ людей, умерших неестественной смертью, в романе «Минск и ворон, Париж и призрак».

SUMMARY

The subject of the research is Slavic mythological understanding of dead people's souls in the works «An Unbroken Candle» and «Minsk and a Raven, Paris and a Ghost» by Anatol Kozlov. It has been shown that in the story «The Unbroken Candle» the deceased person's soul has been interpreted in an ornithomorphic way. As for the novel «Minsk and the Raven, Paris and the Ghost», the work has been analyzed to see the author's vision of folk beliefs about the demonization of souls belonging to humans who have died through violence.

Чжан Иньлин

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ КИТАЙЦЕВ В БЕЛАРУСИ В 2010-Х ГОДАХ

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси
(Поступила в редакцию 30.08.2019)*

Элементы традиционной культуры сохраняются в структуре питания достаточно устойчиво в связи с неизбежной регулярностью самого процесса потребления пищи. Вместе с тем в контексте межэтнических контактов питание проще всего поддаётся заимствованиям, влияниям извне, новациям. Поэтому важно определить механизмы сохранения этнической устойчивости в процессах пищевой адаптации. В современный период происходит приобщение китайцев как к европейской системе питания в целом, так и к белорусской в частности. Для китайского населения данное исследование важно, поскольку способствует приспособлению к новой среде и созданию коммуникации с белорусской системой питания. С другой стороны, данное изучение способствует лучшему пониманию жителями Беларуси культуры Китая.

Актуальность исследования также обусловлена возможностью взаимного обмена технологиями приготовления и заготовки, приёма пищи, что важно для обогащения культур обоих народов.

Данная проблема комплексно рассматривается в этой статье впервые. В то же время в научно-популярной книге «Этнические традиции национальной кухни Беларуси» (2019) представлен ряд особенностей, характерных для питания китайцев Беларуси [6, с. 5 – 45; 249 – 251].

Цель исследования – установить закономерности в особенностях питания китайцев в Беларуси в 2010-х годах. Необходимо решить следующие задачи: 1) классифицировать системы питания в современном Китае; 2) определить особенности адаптации китайцев к пище в Беларуси; 3) охарактеризовать обрядово-праздничные традиции питания китайцев в Беларуси.

Китайская кухня имеет свои особенности в зависимости от региона Китая. Восток Китая, особенно провинции Цзянсу и Чжэцзян, прежде всего известен своими «красными» тушёными блюдами, при приготовлении которых используется тёмный соевый соус. Для этих регионов характерны